

Жил князь Роман Васильевич.
И стават-то по утра-ту по раннему,
Он пошел во чисто поле гулятися,
Он со Марьей-то со Юрьевной.
Как во ту пору да и во то время
Подхватил Возьяк да Котобрульевич,
Подхватил он Марью ту дочь Юрьевну,
Он увез-увел да во свою землю,
Во свою землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую.
Он привез ко матушки Оруды Бородуковны:
«Уж ты ой еси, матушка Оруда Бородуковна!
Я слугу привел тебе, работницу,
Я работницу тебе, пособницу».
Говорит тут матушка Оруда Бородуковна:
«Не слугу привел мне, не работницу,
Ты привел себе да сопротивницу:
Она сидять будет у тя во горнице
Сопротив твоего лица белого».
Тому Возьяк да не ослышался.
Он заходит во гринюшку столовую,
Он берет ей за белы руки,
Еще хочет целовать да в сахарны уста.
Говорит тут Марья та дочь Юрьевна:
«Уж ты ой еси, Возьяк да Котобрульевич!
Не бери меня да за белы руки,
Не целуй меня да в сахарны уста.

Еще греет ле у вас да по два солнышка,
Еще светит ле у вас да по два месяца,
Еще есть ле у одной жены по два мужа?

Ты сходи-съезди ты во ту землю,
Ты во ту землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую;

Ты не увидишь ле там князя Романа Васильевича?

Ты ссеки у него да буйну голову,
Я тогда тебе буду молода жена».

Тому Возьяк да не ослышался,
Он ушел во ту землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую.

Как во ту пору да и во время
Вздумала Оруда себе бал собрать.

Наварила она да пива пьяного,
Накурила она да зелена вина,
Назвала себе татарочек-углавночек,
Посадила татарочек тут всех за стол
И тут садила Марью ту дочь Юрьевну.

Еще все на пиру да напивались,
Еще все на честном да наедались,
Еще все на пиру да пьяны-веселы,
Как одна сидит Марья та невесела,
Буйну голову сидит повесила.

«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!

Уж ты что сидишь, наша, невесела,
Буйну голову сидишь повесила?

Еще рюмою ле те обнесла,
Еще чарою ле те обделила?» –
«Ты ни рюмою меня не обнесла,
Ты ни чарою ты не обделила;
Еще нет у вас да зеленых садов,
Еще негде мне да прогулятися».

Говорит тут матушка Оруда Бородуковна:

«Уж ты ой еси ты, Марья дочь Юрьевна!

Еще есть у нас да зелены сады;

Ты поди гуляй да сколько хочется,
Сколько хочется да сколько можется,
Сколько можется да докуль я велю».

Тут брала ведь Марья золоты ключи,
Отмыкала тут Марья золоты замки,
Вынимала перлышка жемчужные,

Рассыпала эфти перлышка ти по полу.

Тут ведь стали татарочки сбиратися;

Котора посбирает, та и ослепнет,

Тут ведь все татарочки ти ослепли.

Тут и стала Марья думу думати,

Еще как попасть да на святую Русь.

И пошла тут Марья дочь Юрьевна,

Дошла до лесов да до дремучиих;

От земли стоят лесы ти ведь до неба;

Не можно Марье умом подумати,

А не то попасть да на святую Русь.

Поклонилась лесам она низешенько:

«Уж вы ой оси, леса дремучие!
Разодвиньтесь вы, леса ти, надвое,
Пропустите меня да на святую Русь,
Еще за труды ти я вам заплачу».

Говорят тут леса ти дремучие:
«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!
Ты стояла, Марья, за закон Божий,
Не сронила ты с главы да золотых венцей».

Разодвинулись леса ти ведь надвое.
Тут прошла Марья та дочь Юрьевна,
Положила шапочку ту золоту,
И поклонилась лесам она низешенько:
«Уж вы ой еси, леса дремучие!
Вы задвиньтесь, леса, пуще старого,
Пуще старого да пуще прежнего,
Чтобы не прошел Возьяк да Котобрульевич».

И пошла тут Марья дочь Юрьевна,
Дошла до гор да до высокиих;
От земли тут стоят горы ти до неба;
Не можно Марьи умом подумати,
А и не то попасть да на святую Русь.
Поклонилась горам она низешенько:
«Уж вы ой еси, горы вы высокие!
Разодвиньтесь вы, горы ти, надвое,
Пропустите вы меня да на святую Русь;
Еще за труды ти я вам заплачу».

Говорят тут горы ти высокие:

«Уж ты ой еси, Марья та дочь Юрьевна!
Ты стояла, Марья, за закон Божий,
Не сронила ты с главы да золоты венцы».
Пропустили тут Марью ту дочь Юрьевну.
Она положила тут платьице им за труды,
Поклонилася горам она низешенько:
«Уж вы ой еси, горы вы высокие!
Вы задвиньтесь, горы, пуще старого
И пуще старого да пуще прежнего,
Чтобы не прошел Возьяк да Котобрульевич».
Тут пошла тут Марья та дочь Юрьевна,
Она дошла до матушки Бузынь-реки,
Течет матушка Бузынь-река,
Круты бережка да урываются,
А желты пески да унываются,
Со дна камень да поворачиват;
Не можно Марьи умом подумати,
Не то попасть да на святую Русь.
Поклонилась тут Марья та дочь Юрьевна:
«Уж ты ой еси, Бузынь-река!
Становись ты, матушка Бузынь-река,
Переходами-ти частыма,
Переброедами-ти мелкима,
Пропусти меня да на святую Русь;
Еще за труды ти те заплачу».
Говорит тут матушка Бузынь-река:
«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!

Ты стояла, Марья, за закон Божий,
Не сронила ты с главы да золотых венцей».
И становилась матушка Бузынь-река
Переходами-ти она частыма,
Перебрдами-ти она мелкима.
Тут прошла ведь Марья та дочь Юрьевна;
Поклонилась она матушке Бузынь-реки:
«Ты теки-теки, матушка Бузынь-река,
Пуще старого да пуще прежнего:
Круты бережки да урываются,
А желты пески да унываются,
Со дна каменье да поворачиват».
Она скинула рубашечку бумажную.
Тут пошла ведь Марья та дочь Юрьевна,
Она дошла до батюшка синя моря, -
На синем-то море плават тут колодинка.
«Уж ты ой еси, гнила колодинка!
Приплыви ко мне да ты ко бережку,
Перевези меня да на ту сторону».
Как приплыла гнила колодинка,
Она села, Марья-то дочь Юрьевна,
Она села тут да на колодинку.
Перевезла да ей колодинка
На свою да ей ведь тут на сторону.
Как по утречку тут по раннему
Тут стават ведь князь Роман Васильевич,
Умывается да ключевой водой,

Утирается да полотеньшком;
Говорит тут ведь нянюшкам ведь,
Он ведь верным-то своим служаночкам:
«Уж вы ой еси вы, нянюшки, вы, манюшки,
Уж вы верные мои служаночки!
Я поймал будто оленя златорогого,
Златорогого да златошерстного».
Говорят ему нянюшки ти, манюшки,
Еще верны ти его служаночки:
«Уж ты ой еси, князь Роман Васильевич!
Не придет ле у нас Марья-то дочь Юрьевна?»
Он пошел тут, князь Роман Васильевич,
Во чисто поле да за охотами.
Он приходит тут ко батюшку синю морю, -
На синем тут море плават ведь колодинка,
На колодинке сидит ведь Марья-то дочь Юрьевна.
Тут берет ведь князь Роман Васильевич,
Он берет ведь ей да за белы руки,
Еще хочет целовать да в сахарны уста.
Говорит тут Марья-то дочь Юрьевна:
«Не бери меня да за белы руки,
Не целуй меня да в сахарны уста:
Я была во той земли да во проклятой,
Во проклятой и... безбожной,
Еще всякой-то я погани наелася,
Я поганого-то духу нахваталася.
Уж ты ой еси, князь Роман Васильевич!

Если я тебе да во любви пришла, -
Ты неси ты платице тригневное,
Ты тригневное, необновленное.
Если я тебе да не в любви пришла, -
Принеси ты платице мне черное».
Тому ведь князь Роман Васильевич,
Он тому да не ослышался,
Он пошел ведь к нянюшкам, тут к манюшкам,
Он принес тут платице тригневное,
Он тригневное, необновленное.
«Ты своди меня да во Божью церкву,
Я тогда тебе буду молода жена».